

У б и й ц ы

Недолго немецкие оккупанты хозяйничали в советском городе Керчь, однако оставили после себя следы кровавых дел, от которых в жилах стынет кровь, гневом ненависти, жаждой глубочайшей мести наполняется сердце.

Недалеко от Керчи (сел. Багереве) в противотанковом рву фашисты зверски замучили и расстреляли тысячи мирных жителей этого города.

Повернув вправо от железной дорожки полотна, мы идем по садовой наснеженной дороге на место страшного преступления. Молча, со стиснутыми губами, со слезами в глазах идут из Керчи, Камыш-Буруна, из соседних сел мужчины и женщины, старики и молодые, идут искать среди трупов своих родных, знакомых, товарищей, детей, зверски замученных и расстрелянных фашистскими бандитами.

Здесь лежат русские, украинцы, татары, армяне, грузины, греки. Евреи расстреляны отдельно. С первого декабря гестаповцы вывозили на расстрел этих беспомощных людей группами, прямо с базарной площади Керчи. При этом теплая одежда, часы, деньги и все документы отбирались. Издеваясь и глумясь над беззащитными людьми, фашисты расстреливали их из автоматов и пулеметов.

Вот чуть засыпанный землей труп женщины с простреленным глазом. Это жительница города Керчи. В ее руках бережно закутанный младенец. До последней минуты руки матери прижимали к груди ребенка, старались защищать его от детоубийц. На

лице матери застыл ужас предсмертных мук.

На краю рва трупы других женщин. На их ошарашенных лицах, на посиневших губах вечное проклятие фашистским пикарам. Окаменевшие в предсмертных судорогах их руки как бы ищут кого-то. Они ищут своих детей. Фашистские мерзавцы раз'единили их и убили отдельно. Расстреливали из автоматов, в упор, разрывными пулями.

Фашистские душегубы уничтожали и убивали всех, кто попал под руки. Татарка Фатма Бурамедова и ее 13-летний сын Захария нашли среди убитых труп мужа и отца, зверски замученного и расстрелянного немцами. Убийцы сняли с него пальто, ушанку, теплую одежду, валенки.

Жертвой фашистских злодеяний оказались многие рабочие из Камыш-Буруна. Мы подходим к группе расстрелянных. Лица многих изуродованы разрывными пулями, проколоты штыками. На лице убитого рабочего Клямлова застыл гнев. До последней минуты, как рассказывает очевидец Иван Паларуш, он держался храбро и мужественно: «Собаки, вы убили меня, но не покорили», — были последние слова этого советского патриота.

Особенно жуткую картину представляет собою один из углов рва. Здесь десятки детских трупов — мальчиков и девочек. В чем провинились эти беззащитные существа перед фашистскими садистами? За что их расстреляли? Вот лежит мальчик, обнявший волею матери, зверски расстрелянной, замученной фашистами. Он искал у нее

помощи. Рядом с ним — 8-летний мальчик с открытыми глазами. Он даже не понимал, что творится вокруг. На детском лице не успел отразиться ужас. У 7-летней девочки разрывными пулями изуродовано лицо.

Вот что рассказывала об этом мерзком преступлении молодая женщина Рая Белоцерковская, жительница Керчи, она чудом спаслась от смерти.

«29 ноября нас вывели во двор тюрьмы и заставили раздеться. Всю одежду фашистские грабители забрали себе. Раздетых, в одном белье, нас повезли под Багереве, к противотанковому рву. Нас было несколько тысяч. Старики, женщины, дети стояли на краю глубокого рва. Раздалась выстрелы. Пуля попала мне в левую лопатку. Я упала без сознания в ров, на меня свалились два трупа. Ночью я очнулась и увидела возле себя трех своих детей. Они были мертвы. Я обняла эти холодные трупы, затем поползла в ближайший поселок. Меня приютили в одном доме. Какой-то старичок заботливо ухаживал за мной, но вскоре снова пришли немцы и сказали, чтобы я одевалась. Ни просьбы старика, ни заявления о том, что я не в состоянии идти — ничего не помогло: фашистский офицер заявил, что утром меня должны расстрелять. В это время в дом вбежала девочка и радостно закричала: «На дворе красные». Красная армия, освободившая Керчь, спасла мне жизнь».

Мы смотрим на все эти злодеяния, на это страшное преступление, на горы трупов, и руки сжимаются в кулаки, а в сердце кипят ярость и гнев. Опираясь на палку, среди трупов ходит горем убитая старушка Александра Иванова, ищет сына, пропавшего без вести.

— Нет, не нахожу его, — шепчет она и обращается к нам:

— Смотрите, люди, слушайте, граждане, я прожила на свете семь десятков, испытала много горя и страданий, видела ужасы, но такого зверства не видела, не слыхала. Не жить фашистам на земле!

Я видел, как жители Керчи в первые дни освобождения города частями Красной армии хоронили своих родных, товарищей, братьев, зверски расстрелянных, расстрелянных фашистскими убийцами во рву, в городской тюрьме, на улицах Керчи. Я видел покрытые венками и свежими цветами братские могилы этих невинных жертв в приморском парке Керчи. На венках огненные слова мести и ярости:

«Отомстим фашистским убийцам за наших отцов, матерей, сестер и детей!»
«Смерть фашистским насильникам!»
«Смерть за смерть!»

Я видел молодых девушек, у которых волосы поседелели от пережитых страданий и горя. Я видел потоки людей, которые несли на руках гробы. Люди шли молча, со стиснутыми губами, а в глазах их горели ярость и гнев. На белых транспарантах, которые несли впереди похоронной процессии, было написано: «Смерть фашистским гадам, уничтожим немецких оккупантов до одного».

Отмщение и смерть!
Отомстить за этих невинных расстрелянных детей, за кровь наших жен и матерей, отцов и братьев. Отомстить за наши муки, за слезы, за горе и страдание!

Смерть фашистским детоубийцам и палачам!

Кровь невинно погибших советских людей будет отомщена!

г. Керчь.

Гурген БОРАН.